

Е.Д. СМЕРНОВА

СИМВОЛИКА ЦВЕТА И ФОРМЕННАЯ ОДЕЖДА СРЕДНЕВЕКОВЫХ СОСЛОВИЙ

Рассматриваются разнообразные формы средневековой одежды, отражавшие соотношение социальной структуры общества и закрепленного в праве соответствующего образа мышления. Показана взаимосвязь костюма (его формы и цвета) - средства социального распознавания и классификации - с положением человека в обществе, его статусом и профессией.

The article considers different forms of medieval clothes, which reflected the correlation of society social structure and the appropriate way of thinking vested by the law. It also shows the interrelation of the suit (its form and color) as a means of recognition and classification in the Middle Ages which corresponded to person's position in the society, his status and profession.

Одежда как знак принадлежности к тому или иному сословию, благородному или нет и указывающему на род занятий, во многом изобретение Средневековья. Первые свидетельства о подобном делении можно найти в XIII в. Хотя, например, разграничение по цвету наблюдалось еще в меровингскую эпоху¹. Красивое - это разноцветное и блестящее - соотносилось со знатностью, благородством происхождения, поскольку яркие, сверкающие цвета, блеск золота и серебра, драгоценных камней, многоцветье церковных витражей, статуй и живописи ассоциировались в средневековом сознании со светлой энергией и силой, с причастностью к высшему божественному миру.

В период высокого Средневековья, когда появляются и/или в полной мере входят в жизнь типичные для этой эпохи ценности (средневековые города, замки и храмы, полностью принимается христианство, рыцарство переживает свой апогей и пр.), феодальный строй делит общество на три четко отделенные друг от друга сословия - духовенство, знать и простонародье. Библия не знает этой модели общественного устройства. Она получает всестороннее развитие в 20-30-е гг. XI в. в трудах двух северофранцузских епископов Адальберона Ланского и Герарда Камбрейского, разработавших схему западнохристианского общества, с некоторыми модификациями просуществовавшую до конца XV в., согласно которой тело «богоустановленного» общества делилось на 3 разряда (*ordo*): *oratores* (молящиеся, т. е. духовенство); *bellatores* (воюющие, т. е. рыцарство); *laboratores* (работающие, т. е. крестьяне и позднее ремесленники, воплощавшие производственную функцию). Однако по мере изменения действительности и идеологических потребностей «трехфункциональная» модель трансформировалась и уступила место новым теориям, которые учитывали усложнение общественного разделения труда и изменение (под влиянием подъема городов, развития торговли, модификаций в структуре феодальной аристократии, роста притязаний городской элиты и пр.) социальной структуры общества. Уже писатели XII и XIII вв. (Бертольд Регенсбургский, Гонорий Августодунский, проповедник-францисканец Конрад), наряду с вертикальной ориентацией социальной иерархии («сверху» - «вниз»), начинают учитывать и иерархию горизонтальную, отражавшую профессиональные функции, жизненные ситуации, положение (*conditio*), состояние (*etat*). Составленный около 1220 г. немецкий сборник проповедей перечисляет 28 таких «состояний»! В их числе: «1) папа; 2) кардиналы; 3) патриархи; 4) епископы; 5) прелаты; 6) монахи; 7) крестоносцы; 8) послушники; 9) странствующие монахи; 10) секулярные священники; 11) юристы и медики; 12) студенты; 13) странствующие студенты; 14) монахини; 15) император; 16) король; 17) князья и графы; 18) рыцари; 19) дворяне; 20) оруженосцы; 21) бюргеры; 22) купцы; 23) розничные торговцы; 24) герольды; 25) крестьяне послушные; 26) крестьяне мятежные; 27) женщины и 28) ...братья-проповедники (то есть доминиканцы)!»². Представление о «трехчастном», а затем и более разветвленном общественном устройстве Средневековья получает свое закрепление в costume. Costume приобретает

особое значение как средство распознавания и классификации. «Издревле подмечено, - отмечает А. Чернова, - что костюм каждого, как правило, указывает пол, возраст, национальность, социальную и культурную принадлежность, а также отдельные черты характера и настроенные души. Платье - это признание..., а подчас даже и исповедь»³.

В контексте означенной нами темы мы попытались проследить связь: **Человек (статус, ранг, профессия) - его профессиональные функции / положение / состояние - костюм / форма одежды / цвет**. Для исследования мы выделили (просмотрев изрядное количество средневековых источников): художественные свидетельства - миниатюры XIV и XV вв. (на возможности, которые дает историку Средневековья изучение средневековых изображений, неоднократно обращали внимание медиевисты Франции и России)⁴; литературные произведения⁵; хроники и сочинение историка Жана де Жуанвиля. Как показывают эти памятники, костюм в эпоху позднего Средневековья, как никогда раньше, приобрел ярко выраженные корпоративные и социальные черты. Средневековая дворянская одежда - одежда нобилитета - предпочитала яркие цвета. Обычным является сочетание красного и синего, желтого и зеленого цветов. Каждому цвету в Средневековье придавали особое значение, цвет был символичен; каждая краска играла совершенно определенную роль. Красный цвет был символом жизни, олицетворял любовь; зеленый - надежду; синий - постоянство, верность, терпение, печаль; белый - веру и чистоту; черный - скорбь (он являлся цветом траура); голубой - нежность⁶. Символическое значение цвета выражалось также в том, что он становится знаком принадлежности слуги к господину. «Большие французские хроники», говоря о визите Карла IV во Францию в 1377-1378 гг., сообщают: «...когда... [Карл IV]... покинул... Сен-Дени... ему навстречу выехал парижский прево и рыцарь сопровождения с большим числом своих всадников, одетых в одинаковые платья. Был среди них и прево купцов, коншели города, а также горожане парижские, на красивых конях и все одинаково одетые в платья снизу белые и фиолетовые, и всадников было на оном месте порядком от восьмиста до двух тысяч»⁷.

У королей обычно были одинаково одетые слуги - цвет приобретал значение, которое соответствовало некой ранней стадии форменной одежды. Это эпоха, когда еще существует ливрея в качестве униформы. Подобная одежда обозначала принадлежность служащего к дому богатого дворянина. В XV в. одним из самых роскошных в Европе был двор герцога Бургундии Филиппа Доброго. 17 февраля 1454 г. в Лилле герцог организовал банкет, вошедший в историю под названием «Обет Фазана». Личный персонал двора и ближайшее окружение герцога на банкете были наряжены «в одежды его цветов - черный и серый. Цветовым единством одеяний эта часть гостей и участников банкета демонстрировала свою консолидацию и, так сказать, "партийную принадлежность" хозяину праздника. Оплаченные герцогом, костюмы различались только качеством ткани в зависимости от социальной принадлежности лица, которому надлежало носить эти одежды, - шелк был предназначен для лиц дворянского происхождения»⁸. Наряду с дорогими и яркими тканями предметом репрезентации одежды знати становится мех, особенно соболя, самым ценным соболиным мехом считался мех с серо-черным окрасом⁹, а также мех горностая¹⁰. В начале XIV в. долго сохранявшаяся связь с античной одеждой полностью исчезает и возникает, прежде всего благодаря Франции, европейский стиль одежды. Миграции костюма в первую очередь способствовали королевские браки, при которых одновременно с королевой всегда переезжала часть придворного общества. Так, в 1334 г. сестра французского короля Филиппа VI Бланка Валуа вышла замуж за Карла IV и привнесла в Чехию ориентацию на французскую моду¹¹. В 1382 г. Анна Люксембургская, дочь Карла IV, вышла замуж за Ричарда II и привнесла в Англию свой стиль одевания, хотя на моду там уже оказала сильное влияние Франция. Одежда становится одним из главных, свидетельствующих об общественном положении, внешних опознавательных знаков. В таких условиях горожанам не остается ничего другого, как по-

пробовать одеваться так же роскошно, как и рыцари. Стремясь не отстать от феодалов, они начинают украшать свою одежду дорогими мехами, драгоценными камнями, золотом и серебром. Впрочем, для богатых горожан обзавестись такой одеждой иногда было даже легче, чем для некоторых менее состоятельных дворян. Хотя городские жители и принадлежали, в рамках деления сословий, к работающему люду, многие из них становятся очень богатыми людьми и даже ссужают деньги рыцарям. Им хочется достичь более высокого положения. Они были бы рады разрушить «стену», которая находилась между ними - теми, кто работает, и рыцарями, т. е. теми, кто какой-либо работой пренебрегает.

В ответ дворянство вводит так называемые одежные порядки: появляются «законы против роскоши», которые ограничивали чрезмерную роскошь прежде всего в одежде горожан. Первые из них были изданы в Испании и во Франции в XIII - начале XIV в. во времена Людовика IX Святого (1226-1270) и Филиппа IV Красивого (1285-1314)¹². Полагают, что издание этих «одежных порядков» было напрямую связано как с экономическим кризисом, так и с социальными переменами, в результате чего появляются нувориши (парвеню), которые своей роскошной и крикливой одеждой хотели не только сравниться, но и затмить блеск старых дворянских семейств. «Законы против роскоши» будут выходить в большом количестве на протяжении всего XIV в., предписывая разницу в одежде и помогая поддерживать установленный общественный порядок. Обратимся к некоторым примерам.

Англия, время Эдуарда IV. В 1463 г. был принят закон, регулировавший расходы на одежду, по которому мэрам, шерифам и олдерменам разрешалось носить только мех куницы и белки, а их слугам - ливреи, подбитые мехом. В Бристоле даже были установлены точные суммы, которые могли потратить в год мэр, шериф, бейлиф, рикордер, городской клерк, оруженосец мэра, разъездной бейлиф и сержант мэра на украшение своей одежды мехом, - от 6 фунтов 13 шиллингов 4 пенсов до 2 шиллингов¹³.

Германия, XIV-XV вв. Появляется множество распоряжений относительно одежды, которые начинают издавать сами города, чтобы ограничить чрезмерную роскошь горожан. Отдельные положения очень подробны, они касаются кроя одежды, используемых материалов, их количества, украшений и аксессуаров. Первыми на это решаются представители немецких городов (Нюрнберга, Страсбурга, Ульма). В нюрнбергских законах о роскоши указывалось: «...наши бюргеры, члены совета, постановили, что запрещается бюргерам, молодым и старым, носить серебряные пояса стоимостью больше, чем в полмарки серебром. Запрещается им носить серебряные карманы, серебряные итальянские ножи, обувь с разрезом, сюртуки с разрезом внизу или у рукавов... Запрещается также бюргершам, женам, вдовам или молодым девушкам носить платье из цинделя (ост-индская привозная ткань. - Е. С), или шелковое платье, или платье с серебряной или золотой оторочкой. Запрещается также бюргершам иметь больше двух цельных меховых одежд... носить горностаевые шубы... Запрещается также женам, вдовам или дочерям бюргеров переплетать волосы золотом, серебром, жемчугом или драгоценными камнями»¹⁴. Распоряжения, касающиеся одежды, не являлись лишь неким публичным объявлением; городское управление имело право наказывать ослушавшихся. Самым распространенным наказанием был денежный штраф. В Нюрнберге наказанию подлежало ношение парчи, атласа и бархата как мужчинами, так и женщинами, ношение некоторых видов меха и подбивка мехом согласно точно установленным нормам, а также ношение золотых шнуров, воротников, заколок, дорогих покрывал и чепцов, курток и пр., превосходящих определенную цену, слишком дорогих сорочек, длинных шлейфов, больших декольте, тесно облегающей мужской одежды, ботинок клювообразной формы и ультрамодных фасонов - каждый из этих проступков наказывался 3 золотыми. Самый высокий штраф - 10 золотых - был установлен за украшения из жемчуга. Самые строгие наказания были в Ульме, где штрафом в 20 рейнских золо-

тых или же ссылкой на один год каралось неподчинение указам, касающимся ношения одежды. А во Франкфурте постановили, что мужчина должен был платить не только за свою собственную излишнюю наряженность, но и за то, что не смог удержать от этого свою жену. Он мог, однако, заменить уплату штрафа недельной работой в пользу города. Кое-где наказания заключались и в конфискации одежды либо ее частей. В некоторых городах наказанию подвергались и те, кто изготавливал «незаконные» части одежды, - портные, сапожники, скорняки и даже золотых дел мастера. Если наказание ограничивалось тюремным заключением, то его должен был понести муж за жену, отец за дочь.

Король Франции Людовик Святой, пытаясь защитить сословие горожан, ищет для себя некий средний путь в одевании - нечто среднее между роскошью и простотой. В качестве иллюстрации весьма показательна одна из историй, описанная французским историком XIII в. и Великим сенешалем Шампани Жуанвилем. «Однажды... король Людовик IX... беседовал с графом Бретани, а Жуанвиль прогуливался неподалеку. Подошел мэтр Робер (Робер де Сорбон - духовник Людовика IX Святого. - Е. С.), один из советников короля, взял его за плач и подвел к государю. Собралось много рыцарей, снедаемых любопытством. Робер спросил Жуанвиля: "Если бы король сидел здесь, а вы захотели бы усесться на его скамью на более высоком месте, разве не нанесли бы вы ему оскорбления?" "Без сомнения", - отвечал сенешаль. "Итак, - продолжал мэтр Робер, - вы его оскорбляете, ибо вы одеты вельможнее короля: ваш костюм украшен отличным мехом, ваши сукна ярких цветов, а у короля этого нет". "Мэтр Робер, - возразил сенешаль, - простите, но я не нанес королю оскорбления, ибо я одет, как одевались мой отец и моя мать. Но кто оскорбляет государя, так это вы, ибо вы - сын виллана и вилланки, а вы оставили одежду ваших родителей и нарядились в платье из камлина - богаче королевского..."¹⁵ В этом рассказе все достаточно характерно: и отражение в одежде социального статуса, и традиционность костюма (то, что носили родители), и свойственное Людовику IX приписывание одежде нравственных ценностей.

Господствующее сословие начало отмечать представителей некоторых социальных групп некой «униформой», чтобы как можно четче отделить их от людей благородных. Сословную одежду надевали в торжественных случаях члены отдельных цехов, ее имели чиновники (костюм чиновника-мирянина французского парламента в XV в. имел длинную робу алого цвета, капюшон с опушкой и алую мантию. Для чиновников-клириков цвет был фиолетовым)¹⁶. Как говорят «Большие французские хроники», «и у короля... были чиновники всех сословий... одетых согласно занимаемой должности в одинаковые платья: у камергера было две пары платья - одно аксамитовое, другое - потянутое двойным пурпуром, у гофмейстера был наряд из двойного бархата, цвета голубого и светлого, а рыцари почетной стражи были в бархате цвета киновари. Конюшие и оруженосцы были одеты в голубой камокас, стоящие у дверей оруженосцы были в двойном камокасе с полосками голубыми и красными, прислуга (хлебмейстеры, слуги, подносящие еду и накраивающие хлеб) были в одежде из двойного сатина с белыми и светлыми полосами. Точно так же были одеты и чиновники дофина...»¹⁷.

Своя униформа существовала в больницах, чаще всего это были простые накидки из серой, низкосортной шерсти; у профессии палача, которая считалась «презренной», но хорошо оплачивалась, тоже была соответствующая одежда. Учитывая исключительность этого занятия, предписания касались только ее цвета: одежда должна была быть красной. Источники той эпохи свидетельствуют, что палач, поскольку это был богатый человек, одевался по последней моде, и герцог Ян Бесстрашный как-то по ошибке поприветствовал ехавшего ему навстречу при полном параде палача, как дворянина¹⁸.

После III Латеранского собора (1179 г.) возросло количество лепрозо-риев. Больные проказой, находящиеся в них, отличались от остальных не только одеждой из ветхого тряпья, но и должны были носить с собой трещотку, чтобы ее звуком оповещать о своем приближении. IV Латеранский собор (1214 г.) постановил носить евреям на одежде знак желтого цвета. В 1267 г. была принята энциклика кардинала Гуидона, в которой именем папы Климента III постановлялось восстановить старые указы папы об одежде, носимой евреями, чтобы можно было отличить евреев от христиан. К их костюму прежде всего принадлежала шляпа или же шапка желтого (или белого) цвета с заостренным верхом или же с пуговицей наверху. Подобные отличительные знаки часто можно встретить в средневековых иллюстрациях. Одеждой должны были отличаться и те, на которых распространялось табу крови, - мясники, палачи, лекари и воины, а также те, чье ремесло было связано с запахом нечистот и грязи, - прачки, красильщицы, повара и пряжи.

Одеждой, указывавшей на занимаемое в обществе положение, являлось академическое платье. Правила ношения одежды в университете установил IV Латеранский собор. Профессора и магистры носили мантию (основной вид одежды), она всегда была темного цвета, гладкая, средней длины, ее название происходило от лат. *tunica talaris* (т. е. платье, доходящее до щиколоток). В анонимном трактате XIV в. «О похвале клиру» говорится: «В каппах черных округлых [форм] либо [выполненных] из благородного темно-коричневого или тонкого серовато-синего материала, они [магистры факультета] поднимаются на многочисленные кафедры с ординарными лекциями, читаемыми на восходе дня. Называются же они артистами... Господам свободной философии соответствует такая одежда, черный цвет которой, как известно, по природе включает [все цвета]... верхняя часть берет, которым философ венчает свою голову, показывает вместимость его ума и безграничность мысли. Кисточка (*flos*) же берет означает красоту нравов и сокровища сопутствующих им свободных наук»¹⁹. Для профессоров университетов (так же как для адвокатов и врачей) был обязателен черный цвет в одежде, хотя в отдельных городах допускались пурпур или темно-красные облачения²⁰. Профессора Пражского университета носили мантию красного цвета и к ней берет, отороченный мехом. Варианты этого основного вида одежды определяли отдельные европейские университеты. Существовали и более торжественные наряды. Например, мантии могли быть и из узорной ткани, с воротником или же с более широкой меховой пелериной. В XIV в. одежда магистров и докторов все заметнее отличается от более скромного наряда бакалавров. Образцом для подражания становятся парижские обычаи. Согласно предписанию статута 1368 г., ректор Пражского университета носил горностаевый головной убор, а летом - шелковый берет. Статут далее постановлял, что если бы ректор не смог приобрести этот головной убор сам, то его покупал университет. Кроме этого, на мантию ректор надевал горностаевую накидку. Наряд магистров и докторов отличался от профессорского менее пышной мантией, хотя она тоже была красного цвета. Главным отличием был берет, цвет которого различался в зависимости от факультета.

Таким образом, исследование текстов и источников изобразительного характера показывает, что во всех случаях одежда выступала в качестве классификатора и характеристики человека либо ситуации. Резко обозначились различия в одежде знати и горожан, определилась принадлежность человека к той или иной профессии. С помощью цвета, качества ткани и украшений костюм отражал социальную и профессиональную принадлежность его владельца, был знаком его происхождения, социальной значимости и полностью идентифицировал личность в обществе. Носить не ту одежду, которая подобала человеку по его положению, не позволялась законом и обычаем. Одежда стала настоящей униформой и точно указывала на место и положение человека в обществе.

¹ Подробнее см.: Schmiedt-Wiegand R. Kleidung, Tracht und Ornat nach den Bilderhandschriften des «Sachsenspiegels» // Terminologie und Typologie mittelalterlicher Sachgüter: Das Beispiel der Kleidung. Wien, 1988. S. 143-144.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр.; Под общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1992. С. 245.

³ Чернова А.Д. ...Все краски мира, кроме желтой. М., 1987. С. 6.

⁴ См.: Лучицкая СИ. Мусульмане в иллюстрациях к хронике Гийома Тирского: визуальный код инаковости // Одиссей. Человек в истории. 1999. М., 1999. С. 245-246; Шмитт Ж.-К. Историк и изображения / Пер. с фр. СИ. Лучицкой // Там же. 2002. М., 2002. С. 9-29; Дюби Ж. Время соборов: Искусство и общество 980-1420 годов / Пер. с фр. М.Ю. Рожновой, О.Е. Ивановой; Комментар. Д.Э. Харитоновича. М., 2002; Интервью с Жаком Ле Гоффом (О.С. Воскобойников) // Там же. 2004. М., 2004. С. 496 и др.

⁵ См.: Кретъен де Труа. Эрек и Энида / Пер. Н.Я. Рыковой // Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Клижес/ Изд. подгот. В.Б. Микушевич, А.Д. Михайлов, Н.Я. Рыкова. М., 1980; Wolfram von Eschenbach. Parzival. Praha, 2000; Marie de France. Milostne příběhy ze Staré Francie / Přel. J. Konupek a O.F. Babler. Praha, 1958.

⁶ Подробнее см.: Kubařová L. Dějiny odívání. Strědověk. Praha, 2002. S.133-138.

⁷ Velké kroniky francouzské // Čtení o Karlu IV a jeho době. Praha, 1958. S. 332-333.

⁸ Хачатурян Н.А. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет Фазана» герцога Бургундского в XV в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 184.

⁹ См.: Wolfram von Eschenbach. Op. cit. S. 231.

¹⁰ См.: например: Marie de France. Op. cit. S. 102-103; Кретъен де Труа. Указ. соч. С. 52.

¹¹ См.: Zbraslavská kronika. Praha, 1976. S. 396.

¹² См.: Kubařová L. Op. cit. S. 76-77.

¹³ См.: Мосолкина Т.В. Повседневная жизнь английского средневекового города. Бристоль XIV-XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: В 4 т. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 2000. С. 293.

¹⁴ Из полицейских законов г. Нюрнберга XIV-XV вв. о роскоши // Немецкий город XIV-XV вв.: Сб. материалов / Ввод. статья, подбор материалов, пер., примеч. и коммент. В.В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936. С. 161-162.

¹⁵ Joinville Jean de. Mémoires. Histoire de Saint Louis // Nouvelle le collection des Mémoires pour servir à l'Histoire de France, depuis le XIII siècle jusgu' a la fin du XVIII s. Paris, 1836. T. LP. 179.

¹⁶ См.:Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 328.

¹⁷ Velké kroniky francouzské. S. 344.

¹⁸ См.: H u i z i n g a J. Podzim středověku / Přel. G. Vesela. Praha, 1999. S. 74-75.

¹⁹ О похвале клиру (XIV в.) // Антология педагогической мысли христианского Средневековья: В 2 т. Т. 2. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / Сост., ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. М., 1994. С. 214.

²⁰ Подробнее см.: Хюльзен-Эш А. Primus inter pares - primi inter pares. Ученые в своем кругу и среди себе равных / Пер. с нем. Д.В. Духименной // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала Нового времени) / Под общ. ред. Ю. Бессмертного и О.Г. Эксле. М., 2000. С. 150-176.

Поступила в редакцию 05.04.05.

Елена Дмитриевна Смирнова - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков.